

Андрей Макарычев, Анастасия Степанович

## Деполитизация советского опыта: культура, спорт, кино и... прагматизм?

*Люди никогда не довольны настоящим и,  
по опыту имея мало надежды на будущее,  
украшают невозвратимое минувшее  
всеми цветами своего воображения.*

Александр Сергеевич Пушкин

### Введение

В этой статье мы развиваем тезис о том, что распространение советских практик в России постсоветского периода – это порожаемое социальными структурами явление, поощряемое государством. В виду большого количества сфер общественной жизни, в которых современным российским обществом поддерживаются самые разнообразные практики и брэнды, ассоциируемые с советским прошлым, устойчивость («живучесть») многообразия советского опыта, непрерывно воспроизводимого в сегодняшней России, не может быть отнесена исключительно за счет их намеренного поощрения в рамках реализации политического проекта Владимира Путина. Генезис этих постоянно возникающих постсоветских практик неразрывно связан с социо-исторической национальной памятью, что обуславливает необходимость учитывать различные социальные и культурные контексты в анализе.

Считается, что возникновение России в качестве суверенного государства в 1991 оставило неразрешенным целый ряд вопросов. Распад СССР воспринимается в Кремле не как шанс возврата к (воображаемой) аутентичной национальной идентичности, но, в отличие от большинства элит национальных республик на территории стран бывшего Советского Союза, как потеря и глубоко травматический опыт, вследствие которого были безвозвратно утрачены основные элементы национальной идентичности. Однако, конкретное содержание и последствия статуса РФ как правопреемника СССР никогда не были предметом серьезных общественных дебатов. К примеру, является ли правопреемничество исключительно юридической или политической концепцией и где провести грань между ними? Должно ли правопреемничество подтверждать/усиливать особую роль РФ на постсоветском пространстве? Означает ли оно доминирование советского наследия над дореволюционным? Какие (положительные) элементы советского опыта могли или должны были быть использованы в процессе создания постсо-

ветской идентичности, а какие следовало бы отринуть? Наконец, почему сама концепция «империи» применительно к СССР вкупе с продолжающейся соотносимостью страны с пост-империей оказалась особенно устойчивой в дискурсе о российской идентичности, невзирая на все негативные ассоциации с ней, считаваемые с академических и общественных дискурсов в странах Западной и Центральной Европы? Недостаточное концептуальное оформление идеи преемственности как таковой на фоне великодержавного пафоса и в отсутствие ориентированного на будущее нормативного идеологического проекта дало фактически карт-бланш внедрению советских практик в гегемонистский нарратив Кремля, в особенности после избрания Владимира Путина на пост президента в 2000 году.

Трудно переоценить значение размывания границ между прошлым и настоящим в процессе пересоздания российской идентичности. Во-первых, проявляется взаимосвязь между претензиями России на политическую самодостаточность и неотъемлемым чувством неполно(ценн)сти/недостаточности возникающей российской идентичности, а также ее внутренних расколов/нецелостности. Во-вторых, именно в размытых временных гранях между настоящим и конфликтообразованными историческими узловыми моментами состоит базовое различие между процессами создания российской и европейской идентичности. Особенно явными эти различия становятся при сравнении российского исторического нарратива с доминирующим немецким, с глубоко запечатлевшейся в последнем лексемой «больше никогда». В-третьих, ключевым является вопрос остающейся двусмысленности/неясности вокруг «вписывания» воспоминаний о прошлом в актуальный процесс формирования российской идентичности, оставляющей большой простор для включения советских практик в российское коллективное Я и деполитизирующей данный нарратив посредством незаметного стирания политических различий между царистской и советской имперскими моделями, референциально определяемыми как «великие державы». Обе воспроизвели самоощущение имперского государственного устройства/порядка, несмотря на очевидные структурные различия.

Известно, что несмотря на постоянные усилия СССР дистанцироваться от монархического прошлого Российской Империи и активную анти-империалистическую пропаганду, его фактический курс на экспансию, а также экономическая и культурная политика, в сущности создавали своего рода имперскую преемственность. Таким образом, «двойное вписывание» имперского опыта и наследия в историю современной России, имперский статус которой был в прошлом признан и принят на международной арене, привел к сохранению и укоренению собственного референциального образа и сознания империи, обладающей соответствующими империи атрибутами<sup>1</sup>. Последняя характеризовалась структурным подчинением провинций центру при наличии высоко централизованной государственной структуры, экспансивной экономической и военной политикой, а также пере-

---

<sup>1</sup> К примеру, концепция Хартлэнда, разработанная Хэлфордом Джоном Маккиндером.

носом культурных практик и поощрением распространения единого языка общения, *lingua franca*, из центра в периферию (в данной случае: внедрение русского языка для межэтнической коммуникации, получения общего образования, возможности профессионального роста и активного участия во многих сферах общественной и хозяйственной деятельности).

Поэтому мы полагаем, что в данной ситуации проблемой является не столько недостаток исторического наследия для выбора основополагающего нарратива, который мог бы стать доминирующим в процессе формирования российской идентичности, сколько определение и неизменное следование однажды выбранной версии объединяющего нарратива прошлого, могущего вдохновить и придать вектор усилиям по формированию идентичности в настоящее время и на будущее. Как уже упоминалось ранее, этому процессу, очевидно, препятствует «двойное вписывание» имперского наследия в российскую историю, и, как следствие этого, не вылеченные (пост)имперские «фантомные» боли<sup>2</sup>, являющиеся одним из множественных проявлений пост-царистского советского исторического наследия. Удивительным образом в гегемонистском (и одновременно фрагментарном) дискурсе Владимира Путина уживаются самые разные исторические деятели, что вызывает горячие споры. Это обстоятельство не только демонстрирует отказ или неспособность отличать национальную славу от национального позора политически, что в общем и целом удалось Германии после Второй Мировой Войны, но и невосприимчивость по отношению к анти-имперским настроениям и боязни советского в некоторых странах бывшего СССР, особенно четко выраженным в трех Прибалтийских странах.

В обрисованной ситуации проект Владимира Путина можно рассматривать как расчетливую попытку создания пост-политического консенсуса, основанного на сочетании объединяющих, а потому неизбежно деполитизированных векторов/импульсов. Деполитизированный, т.е. большей частью технократичный, управленческий режим Путина охватил многие советские практики, лишив их идеологического смысла.

Под деполитизацией мы предлагаем понимать недостаточную дифференциацию между теми, кто находится внутри политического дискурса, и теми, кто находится вне его, что проявляется через неспособность или нежелание сделать публичной свою позицию по отношению к некоей ведущей доктрине, имея дело с потенциально поляризующими феноменами, историческими деятелями и событиями. Как и любому пост-политическому типу руководства, режиму Путина более присущ прагматизм, чем идеология, что объясняет поиск консенсуса в качестве определяющего принципа легитимации власти правящей группы. «Останки» советского прошлого вписывались в политику Кремля в обрисованном поли-

---

<sup>2</sup> Евгений Ясин: «Фантомные боли». 20.1.2006 // Союз Правых Сил. <http://www.sps.ru/?id=210528&PHPSESSID=218ec8f25a1c4f7b344c54d3e71bcf77>. Последнее посещение 25.02.2013.

тическом контексте на фоне продолжающейся ностальгии по советским временам и великодержавному статусу, присущей самым различным слоям общества.

Как показывают результаты опросов общественного мнения Левада-Центра за период с 2010 по 2012 гг. около половины россиян все еще сожалеют о распаде СССР и лишь треть населения не испытывает по этому поводу сожаления. Интересен тот факт, что великодержавный пафос, подпитываемый ностальгией по советскому времени, распространен как среди различных возрастных групп (к примеру, студентов и пенсионеров), так и групп, отличающихся по социально-экономическому статусу (включая депутатов Госдумы и лиц без определенного места жительства<sup>3</sup>).

Учитывая все вышеизложенное, мы подробнее остановимся на трех центральных вопросах. Во-первых, советские практики будут рассмотрены нами в качестве социальных феноменов, влияющих на различные сферы жизни общества (культуру, спорт, потребление и т.д.). Во-вторых, мы попытаемся объяснить, каким образом эти практики были использованы нынешним политическим режимом и интегрированы в его гегемонистский дискурс, основанный на деполитизированном прагматизме (периодически сопровождающемся пост-имперскими потугами, маскируемыми под «прагматичные шаги» или возвращение к предполагаемому состоянию нормальности). В-третьих, мы раскроем присущую этой деполитизирующей апроприации остатков советского прошлого нестабильность, которая неизменно оказывает политические и идеологические эффекты.

## Возобновление советских практик: преемственность и формирование брендов

В этой главе мы рассмотрим два аспекта переноса советских практик и соответствующих нарративов в постсоветской России. Во-первых, мы остановимся на некоторых дискурсах о преемственности в российской массовой культуре (музыке, телевизионных проектах и т.д.). Помимо этого мы попытаемся объяснить, каким образом советские артефакты и опыт могут сделаться популярными брендами в сфере спорта и потребления, а также влиять на стратегии урбанистического развития.

### *Дискурсы непрерывности в массовой культуре*

Уже упомянутый недостаток политических и академических дебатов о сути преемственности был подменен предположительно неполитическими дискурсами, разворачивающимися в сфере масскульта. Несмотря на разнообразие этих дис-

---

<sup>3</sup> «О распаде СССР», опрос общественного мнения Левада-Центра // Левада-Центр. 11.1.2013. <http://www.levada.ru/11-01-2013/rossiyane-o-raspade-sssr>. Последнее посещение 17.10.2013.

курсов, они неизменно демонстрируют способность политизировать общественную дискуссию о российской идентичности.

*Во-первых*, в российской картографии существует множество топонимических «останков» советских времен: многие города носят имена партийных функционеров (к примеру, Киров или Калининград, Ленинградская и Свердловская область), памятники (чаще всего Ленину) все еще являются частью городского пейзажа во многих городах и т.д. В общем и целом эти следы советской империи не обязательно воспринимаются как источники мощных идеологических посылов, являясь, скорее, симптомами инерции государства. Названия некоторых городов переименовываются в современной просторечии. Так, например, Киров часто называют «Вяткой» (так город назывался до возникновения СССР), а Калининград – «Кёнигом» (что является сокращенной разговорной формой от старого немецкого названия города). Тем не менее, латентной топонимической памяти присуща способность политизировать, что было не так давно продемонстрировано государственной инициативой по переименованию Волгограда в Сталинград в связи с подготовкой к празднованию 70-ой годовщины Сталинградской битвы, определившей исход Второй Мировой Войны. Подобные символические акты стирают временные и политические границы между прошлым и будущим и поддерживают претензии на тотальную историческую преемственность.

*Во-вторых*, ряд негосударственных организаций пытается воспроизвести не только советские названия, но и практики. К ним относится движение «За Советский Союз», «Союз пионерских организаций» и им подобные.

В сфере популярной культуры ностальгию по советским временам можно буквально слышать в самых разнообразных музыкальных жанрах, включая рок, поп, бардовскую песню и даже электронную музыку. Многим знакомы песня «Сделан в СССР» Олега Газманова, хит «Рожденный в СССР» рок-группы ДДТ и «Хочу в СССР» поп-группы «Чернила для пятого класса». Некоторые элементы советского музыкального и кинематографического наследия выборочно использовались в электронной обработке композиций авангардно-экспериментального направления: сюда относится, к примеру, «Лучшая девушка в СССР» коллектива «Нож для фрау Мюллер», по жанру адресованный более молодому поколению, предпочитающему альтернативные музыкальные стили. Следует отметить, что в тексте хита «Рожденный в СССР» популярной рок-группы ДДТ распад СССР ассоциируется с состоянием сиротства в результате утери Россией статуса хозяйина империи<sup>4</sup>. Однако, возврат музыки советского гимна по инициативе Путина в канун 2001 года взбудоражил российскую общественность и спровоцировал протест значительной части либеральных кругов, воспринявшей этот шаг как нечто большее, чем просто уступку ностальгии по СССР, распространенной в широких слоях общества.

---

<sup>4</sup> ДДТ: «Ты вчера был хозяин империи, а теперь сирота».

*В-третьих*, существуют медиа-проекты, обращающиеся к теме советского прошлого без явного политизирования. Лучшими примерами тому являются журналистские проекты Леонида Парфенова «Намедни» и «Какие наши годы», автор которых искусно деполитизирует советский опыт посредством уравнивания политических событий (таких, как смерть очередного советского лидера) с на первый взгляд незначительными изменениями в повседневной жизни людей (такими, как появление новых технических приборов и новых стилей моды).

Музыкальный теле-проект «Старые песни о главном» является самым наглядным примером живучести советских практик как музыкального явления, проявляющегося в самовоспроизводящихся структурах/моделях/стилях культурного потребления и коммуникации. Эта долговечность может быть частично отнесена на счет того обстоятельства, что многие советские звезды культуры и сцены смогли коммерчески или политически адаптироваться к постсоветским условиям успешнее некоторых политиков. Легендарный рок-певец Андрей Макаревич, поп-дива Алла Пугачева и певец патриотических песен Иосиф Кобзон являются подходящими примерами для демонстрации необходимой преемственности советских музыкальных традиций. Хотя все вышеперечисленные фигуры и несут печать советской культуры, нельзя говорить о единообразии их политических предпочтений. Упомянутая певица Пугачева публично поддержала кампанию Ельцина против коммунистов в середине 90-х, а на президентских выборах 2012 года выступила за кандидатуру олигарха Михаила Прохорова; Кобзон, вступивший в КПСС еще в 1970-х, теперь является членом партии «Единая Россия», тогда как Макаревич написал открытые письма Путину, в которых высказался с резкой критикой неизменно процветающей коррупции и свертывания демократических свобод.

Определенный сегмент российского кинематографа представляется соответствующим изложенной версии преемственности, между прочим вполне совместимой с либеральными убеждениями. Так, «Исчезнувшая империя» Карена Шахназарова – хороший пример ностальгического повествования о советском прошлом. «Стиляги» Петра Тодоровского – другая история о советских временах, окрашенная в очевидно ностальгические тона. В обоих фильмах принимается неизбежность конца советской империи, но ей отдается должное. В них получилось соединить симпатию к советскому прошлому с ясным пониманием причин распада СССР.

Кроме того, было снято довольно много фильмов о советском прошлом, посвященных, в особенности, ключевым событиям Второй Мировой Войны, явившейся одним из важнейших эпизодов в истории Советского Союза. К данной категории относятся не только эпические фильмы, воспевающие победу СССР над фашизмом («Утомленные солнцем 2» Никиты Михалкова), но и работы с более самокритичным подходом к собственной истории. Примером последних может служить снятый Сергеем Урсуляком сериал «Жизнь и судьба» по мотивам одноименного романа Василия Гроссмманна. Повествование о битве под Сталингра-

дом, легшее в основу сюжетной линии, сопровождается описанием стойкости, храбрости и мужественности советских солдат. Но, одновременно с этим, режиссер попытался обнажить такие пороки советского командного армейского состава, как трусость, низкопоклонство, лицемерие и клеветничество/доносительство, что, в целом, создает сложный и противоречивый образ подноготной былых славных победных советских времен.

Фантастический фильм «Мы из будущего» предлагает еще один апологетический взгляд на Великую Отечественную Войну. По утопическому сюжету группа молодых циничных копателей занимается коммерческой раскопкой останков советской военной славы в местах боевых действий времен ВОВ. Каким-то чудом перенесясь в военное прошлое на поля сражений 1940-х, они сталкиваются лицом к лицу с тем, что Славой Жижек бы назвал «реальным» – кровавой битвой на смерть, в которой «гостям из будущего» приходится физически пережить кошмар военных реалий. Это столкновение с «реальным» оказывает очищающее воздействие на протагонистов, радикально изменив их отношение как к прошлому, так и к настоящему: прошлое служит искуплению вины и греха, выпуская героев фильма назад изменившимися и гораздо более патриотично настроенными личностями.

«Парком Советского Периода» на суд зрителя представлена еще одна утопия. На этот раз речь идет о парке развлечений, в котором наиболее узнаваемые атрибуты проведения отпуска в СССР совмещены с самыми современными технологиями. Но это придуманное и искусственно созданное место становится площадкой для реинкарнации наихудших советских практик, таких как незаконное задержание, давление коллектива над индивидуумом и т.д. С одной стороны, в фильме убедительно показывается способность прошлого к материализации и возвращению, даже если о нем рассказывается в игровой и безобидной форме парка развлечений. С другой стороны, в метафорическом виде оно призывает к возврату к «настоящему» большевистскому духу, поскольку только благодаря неожиданному появлению кавалерии Чапаева, героя Гражданской Войны, принявшего непосредственное участие в борьбе за установление Советской власти, герои фильма в конце спасаются от агрессии со стороны владельцев парка.

*В-четвертых*, внутри российского экспертного сообщества, включая и его либеральные круги, растет консенсус в отношении модернистской природы Советского Союза как проекта, в ходе реализации которого появился собственный вариант/разновидность интернационализма и солидарности и который (в строго очерченных идеологических рамках, тщательно контролируемых Коммунистической Партией) выступал за свою версию культурного разнообразия путем оказания поддержки различным этническим идентичностям. Нужно отметить, что трудно поддающийся определению тип ностальгии по СССР присущ различным политическим лагерям независимо от их политической принадлежности и традиций, хотя нельзя не признать, что в данный момент поднятые вопросы носталь-

гии по СССР и деления на «советских» и «не советских» не являются самыми животрепещущими.

Показательно, что один из самых известных и влиятельных современных писателей и поэтов России и один из лидеров либерального оппозиционного движения Дмитрий Быков (1967) по собственному признанию хотел бы основать новый литературный журнал под названием *Советский Союз*. По его мнению, изучению советского наследия для понимания самого важного антропологического поворота 20-го века просто нет альтернативы<sup>5</sup>. Быков неустанно подчеркивает сложность советской системы, которая, по его мнению, поспособствовала возникновению и становлению интеллигенции как влиятельного и довольно многочисленного класса и смешению интеллигенции с народом. Согласно Быкову, беспрецедентный рост интеллектуальной активности и культуры в 1970-80-х выразился не только в распространении запретной литературы/«Самиздата». Для его концепции сложности позднесоветской эпохи существенно ощущение особенно благоприятного культурного и интеллектуального климата, уникального для российской истории. Однако, в эссе под названием «Возврат СССР» Быков сознается в нереализуемости имперской идеи, несмотря на то, что мечта о ней «прекрасна и плодотворна» по причине самоизоляции политики России, а также ее слабого цивилизационного потенциала<sup>6</sup>.

Интересен тот факт, что просоветские настроения живы и среди интеллектуальной элиты бывших национальных республик в составе СССР. В этой связи можно упомянуть киргизского писателя Чингиза Айтматова (1928-2008), ставшего известным далеко за пределами Киргизии и бывшего СССР. В одном из своих поздних интервью Айтматов не только публично встал на защиту достоинств советской культурной и цивилизаторской политики в Средней Азии, но и назвал советское решение национального вопроса на постсоветском пространстве в регионе оптимальным, учитывая достигнутый прогресс. Айтматов настаивал на том, что советский проект был успешным, прогрессивным и правильным с точки зрения замещения религиозности гуманистическими принципами и верой в чудо – произведение рук человека. По его мнению, тенденции в сторону религиозной и националистической замкнутости/обособленности, наблюдаемые в странах СНГ, в будущем будут признаны лишь уступкой прошлому и возврат к идеям советского проекта неизбежен<sup>7</sup>.

Связанные с советским периодом идеи наверняка не вызывали бы до сих пор такой резонанс, если бы они подпитывались лишь соображениями и воспоминаниями культурного начала. Пост-имперский политический подтекст является не-

---

<sup>5</sup> Десятерик Дмитрий. Дмитрий Быков: Свобода – это отсутствие страха, который я считаю отвратительнейшим из состояний // ИноСМИ.ru. 2.7.2012. <http://inosmi.ru/social/20120702/194377791.html>. Последнее посещение 10.3.2013.

<sup>6</sup> Быков Дмитрий. Собрание эссе «Девять мифов о России» из книги «Думанье мира». Limbus Press, 2009. С. 97-100.

<sup>7</sup> Чингиз Айтматов, интервью в книге *И все-все-все* автора Дмитрия Быкова (Москва, 2011. С. 7-14).



отъемлемой частью ностальгии по советскому времени. Аргументы в пользу положительной уникальной природы советского проекта, превосносимого за идеологические устремления, военную мощь и установку на достижение беспрецедентных технологических целей (самой известной из которых, возможно, является, освоение космоса и шаг человечества во Вселенную), являются основными темами в работах и некоторых публичных выступлениях Александра Проханова (1938), российского писателя, журналиста и оратора националистическо-империалистического толка. С точки зрения Проханова сегодня Россия превращается в «Пятую империю», что является единственно возможным для ее выживания политической формой, соответствующей национальному историческому предназначению государства и что подготавливает страну для выживания в будущем в форме империи, т.е. как «огромный ансамбль народов, культур, территорий, верований»<sup>8</sup>.

Дискурс о преемственности и непрерывное избирательное обращение к отдельным разнородным элементам обширного советского наследия являются неотъемлемой частью интеллектуальных постсоветских настроений, что отражено в кино, искусстве и литературе. Политизирующие споры перемещаются именно в эту сферу общественной жизни и процветают в ней, таким образом компенсируя дефицит ясно выраженной официальной идеологии и взвешенных общественных дебатов на означенные темы.

### *Брэндинг советского*

Многие элементы советского прошлого намеренно сохраняются и даже поощряются в сфере потребления, урбанистических стратегий и спорта. Хорошим примером является так называемая «гастрономическая ностальгия»: рестораны в советском стиле «Главкурорт», «Главпивторг», «Спецбуфет», «Служебный вход» и другие воспроизводят и по-новому обозначают старые названия, трансформированные в узнаваемые брэнды. По этому же принципу некоторые рестораны стали называться в честь наиболее популярных советских фильмов – «Кавказской пленницы», «Черной кошки» и т.д.

Советские названия также сохранились в медийном бизнесе. Примерами тому служат газеты *Комсомольская правда*, *Советский спорт*, *Московский комсомолец* и т.п.. Хотя по содержанию они не имеют ничего общего с СССР, сами названия газет сохранились в качестве узнаваемых брэндов с весьма большим кругом читателей.

Нельзя не отметить растущий интерес к промышленному дизайну советской эпохи, архитектуре, постерам и почтовым открыткам, изображаемым не устаревшими и не провинциальными, а, скорее, важными элементами культурного насле-

---

<sup>8</sup> Проханов Александр. «Сейчас рождается Пятая империя» // Взгляд. 23.8.2012. <http://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html>.

дия, созвучными их зарубежным аналогам<sup>9</sup>. К примеру, Катя Бочавар, арт-дизайнер, работающая в стиле «bourgeois punk», украшает свои ювелирные изделия старыми символами Советской эпохи (портретами Ленина, комсомольскими значками и пр.), к которым она относится как к таким же «остаткам прошлого», как и старые игрушки, бутылочные пробки, дверные таблички и т.п.<sup>10</sup>

Брэндирование советского наследия является частью стратегий урбанистического развития, направленных на преодоление «периферийного комплекса» у многих городов российской провинции. Два из них самым наглядным образом демонстрируют подмеченный факт: родной город В.И. Ленина Ульяновск, чье название активно рекламируется для привлечения туристов и развития туристической отрасли, а также Иваново. В случае Ульяновска министр культуры и глава Совета Федерации признали такой подход легитимным, заявив, что «Музей СССР», возможно, принесет городу миллиарды долларов прибыли. Этот создаваемый музей считается «технологическим комплексом», нацеленным на рост популярности и заинтересованности в регионе среди туристов, инвесторов и менеджеров культурной сферы.

«Российский Манчестер» Иваново, колыбель первых большевиков, занимается продвижением собственного городского брэнда как места советской промышленной утопии. Нарративы прошлого такого характера выглядят не менее забавными, чем сказки Пушкина. Некоторые даже предлагают усилить абсурдность этой городской топонимики, чтобы сделать еще более эксцентричной и запоминающейся. К примеру, акцент на красном цвете в городском пейзаже мог бы быть перформативным шагом как бы вне реального политического или идеологического контекста. Идея о «Красном Кольце» (по аналогии со знаменитым «Золотым Кольцом», включающим в себя старейшие города России) есть «туристический продукт» для маркетинга таких генеалогических черт советского быта, как легендарные коммуналки, бараки рабочих, пионерские комнаты, «красные уголки» в школах и пр.

Сам факт перенесения воспоминаний о советском в сферу культурных символов и коммерческих брэндов представляется сильным деполитизирующим ходом. В частности, довольно широким спектром блогов «Живого Журнала» эстетизируются объекты советской повседневной жизни и быта, превращая их в уже почти археологические свидетельства прошлого. К последним относятся елочные украшения, детские игрушки, школьная форма, автоматы для продажи напитков<sup>11</sup>. Мы полагаем, что само изображение советского прошлого доступным восприятию внешнего наблюдателя содействуют упрочнению временных границ,

<sup>9</sup> По-прежнему наше. Татьяна Маркина о «Советском дизайне 1950–1980-х годов» в Манеже // *Kommersant Weekend*. 30.11.2012. <http://kommersant.ru/doc/2073200>.

<sup>10</sup> Катя Бочавар // Шалтай-болтай. <http://www.shaltai-boltai.ru/catalog/author.php?CODE=bochavar>.

<sup>11</sup> Morenkova Elena. (Re)creating the Soviet Past in Russian Digital Communities. Between Memory and Mythmaking // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. 2012. № 7. P. 39-66.

таким образом внося свою лепту в то, что составляет суть либерального мировоззрения: множественность голосов и толерантность разнообразия.

Еще одним вызывающим споры примером брэндинга советского наследия является недавняя инициатива «Газпрома» по организации футбольного чемпионата СНГ. Если само по себе вызывание ностальгических эмоций посредством обращения к убедительному списку советских спортивных побед не является чем-то экстраординарным (особенно в виду не самых блестящих достижений российской футбольной лиги за последние годы), нельзя не заметить, что здесь мы неизбежно оказываемся, по сути, на просторанстве политического.

Идея проведения внутренне спланированных спортивных мероприятий на территории СНГ, как и объединения футбольных лиг, вместо проведения регулярных национальных соревнований обосновывается попыткой повысить интерес фанатов, улучшить качество игр национальных лиг, а также возможностью роста прибыли от размещения рекламы<sup>12</sup>. Последний соблазнительный аргумент, очевидно, не остался неуслышанным даже в бизнес-кругах Евросоюза. К примеру, по некоторым сообщениям немецкие компании оказались одними из первых проявившими интерес к проекту создания объединенного чемпионата России и Украины из-за перспективы роста зрелищности футбола в рамках такого чемпионата<sup>13</sup>. Помимо развития проекта объединенной футбольной лиги России и Украины существует идея проведения чемпионата СНГ, озвученная председателем правления «Газпрома» Алексеем Миллером в конце 2012 года<sup>14</sup>.

После обнародования соответствующего предложения в его поддержку выступил украинский клуб «Шахтер» (Донецк), белорусский «Динамо» (Минск) и ведущие российские футбольные клубы. Президент Федерации футбола Казахстана Сеильда Байшаков также заявил, что «турнир может проводиться как и чемпионат СССР... Главное, что такое объединение поднимет уровень футбола в наших странах и порадует болельщиков»<sup>15</sup>. Генеральный директор проекта объединенной футбольной лиги Украины и России Валерий Газзаев был назначен главой специального комитета по организации совместного футбольного чемпионата СНГ в декабре 2012 года<sup>16</sup>. Однако, как позже стало известно, украинские клубы предпочли пропустить первое заседание оргкомитета на фоне энергичных протестов Футбольной Федерации Украины (ФФУ) против данной инициативы со ссылками на статут ФИФА. По словам президента ФФУ Анатолия Конькова, «любые действия, направленные на создание без нашего [ФФУ] явного разреше-

---

<sup>12</sup> Новый «Чемпионат СССР» отправили в разработку // Utro. 30.11.2012. <http://www.utro.ru/articles/2012/11/30/1086912.shtml>.

<sup>13</sup> Немецкий бизнес заинтересован в ОЧ [объединенном чемпионате] // Спорт-экспресс. 18.10.2013. <http://news.sport-express.ru/2013-10-18/628312/>.

<sup>14</sup> Статья была написана незадолго до Евромайдана.

<sup>15</sup> Назад в СССР. Наш клубный футбол ждут реформы // Вечерняя Москва. 5.12.2012. <http://vmdaily.ru/news/nazad-v-sssr-nash-klubnij-futbol-zhdut-reformi1354732734.html>.

<sup>16</sup> Белоруссия и Казахстан поддержали идею чемпионата СНГ по футболу – Газзаев // Новости-Казахстан. 26.12.2012. <http://www.newskaz.ru/sport/20121226/4520801.html>.

ния или разрешения ФИФА и УЕФА любых лиг и других объединений клубов, являются беспрецедентным нарушением положений и требований уставов ФИФА, УЕФА и ФФУ, и будут рассматриваться в контексте применения средств дисциплинарной ответственности»<sup>17</sup>. Другими словами, реакцию на предположительно интеграционную инициативу «Газпрома» можно в лучшем случае назвать смешанной.

Можно понять и разделить надежду организаторов и болельщиков на организацию более зрелищных и держащих в напряжении игр посредством создания более конкурентной среды, ведь такие соображения не в последнюю очередь отвечают прагматичному подходу политических и бизнес-элит. Однако в таком случае требует разьяснения финансовая часть вопроса, поскольку начальные инвестиции на организацию и проведение первого Футбольного Чемпиона по СНГ в 2014 году достигают почти астрономического миллиарда долларов. Поэтому сразу же возникают вопросы о коммерческой жизнеспособности проекта и появляются сомнения в прагматических, а не политических мотивах его концепции и реализации.

Помимо того, поражает легкость, с которой некоторые СМИ взялись за обсуждение темы, открыто называя проект чемпиона СНГ «Чемпионатом СССР». Откровенные призывы «назад в СССР» в сочетании с постоянным прославлением достижений советского спорта не могут не иметь политического резонанса, если, конечно, спорт не перестал быть в некотором отношении заменой политики.

## Модальности деполитизации: стратегия Кремля

Как было показано выше, к артефактам и практикам советской эпохи в Кремле относятся как к брэндам, способным к усилению консенсусных и единообразных/консолидирующих моментов/импульсов в обществе. Это объясняет, почему их самые отрицательные политические эффекты намеренно сглаживаются, в отличие от обсуждения их в более разнообразных и четче сформулированных общественных дискуссиях. Советский опыт по-новому истолковывается как предположительно объединяющий и способствующий внутренней консолидации, основываясь, на, как кажется, таких неоспоримых ценностях, как патриотизм и укрепление народного духа, и это восприятие содействует инструментализации советского опыта. Например, повторное введение в 2013 году награды «Герой труда» советских времен было воспринято большинством как PR-ход для укрепления

---

<sup>17</sup> Федерация футбола Украины против объединенного чемпионата СНГ // Ліга.Новости. 13.2.2013. [http://news.liga.net/news/sport/811847-federatsiya\\_futbola\\_ukrainy\\_protiv\\_obedinennogo\\_chempionata\\_sng\\_.htm](http://news.liga.net/news/sport/811847-federatsiya_futbola_ukrainy_protiv_obedinennogo_chempionata_sng_.htm).

ния имиджа Путина среди рабочих промышленности, однако полностью лишенный всякого сходства с идеологическим содержанием прошлого<sup>18</sup>.

Воспоминания о ВОВ играют ключевую роль в нарративе Кремля. Ему представляется, что история должна оставаться вне политики, и что альтернативные толкования не нужны после юридического закрепления исторических событий «раз и навсегда», как было в случае Нюрнбергского Трибунала. По этой логике существуют «истинные факты» и «нежелательные политически предвзятые истолкования», причем последние потенциально взрывоопасны для однажды установленной исторической правды. Поэтому кажется логичным выбор в пользу оттеснения потенциально подрывных эффектов альтернативного исторического прочтения, хотя он и играет на самоограничение и цементирование доминирующего исторического нарратива.

Ключевой момент заключается в том, что исторический нарратив Кремля содержит сильные послы в настоящее. Так, Дмитрий Медведев заявлял, что без вклада Советской Армии во Вторую Мировую сегодняшняя Европа бы просто не состоялась. Это заявление означает, что Москве хотелось бы укрепить свою конструктивную роль в возникновении европейских интеграционных проектов, основанных на нормативных ценностях, одновременно не забывая подчеркнуть цену, заплаченную СССР за искоренение фашизма в Европе. Вопросы остающихся нормативных различий могут быть, таким образом, несколько релятивизированы/нивелированы, тогда как на первый план выходит вклад России в создание послевоенной Европы.

Этот исторический нарратив активно инструментализируется для укрепления режима внутри страны. Из официальных формулировок на тему ВОВ следует, что, если дело касается безопасности, природа режима фактически представляется менее значимой в сравнении с императивом выживания любого государства независимо от типа режима. Такой посыл предполагает безусловную преданность и готовность граждан защищать свою родину независимо от того, насколько хорошее или плохое правительство находится у власти. Это частично объясняет растущую тенденцию секьюритизации (обеспечения безопасности), продвигаемую Кремлем в качестве предположительно объединяющего дискурсивного инструмента.

В большинстве современных российских фильмов о войне такая версия деполитизации укрепляется посредством отображения народа как предположительно объединенного сообщества, не нуждающегося в политических мотивах для защиты «коллективного Я» от «самозванцев». Даже сталинский режим, при всех известных в то время совершенных злодеяниях и несправедливых поступках, большей частью представляется одним из воплощений коллективной идентичности, что доказывает победу различия на «Свой-Чужой» над недостатками внутригосударственного режима (фильмы «Исчезнувшие», «Днепровский рубеж» и

---

<sup>18</sup> Баунов Александр. Зачем Путину герои труда // Slon. 3.4.2013. [http://slon.ru/world/zachem\\_putinu\\_geroi\\_truda-926506.xhtml](http://slon.ru/world/zachem_putinu_geroi_truda-926506.xhtml).

многие другие). На данном стыке становится очевидным то обстоятельство, что хотя про-кремлевский нарратив относится к советскому прошлому как «внутреннему Другому» России (для Дмитрия Медведева сегодняшней идеологией Кремля является отмежевание от преступлений сталинского режима), он в то же время отождествляет себя с прошлым посредством определенных значимых референций и «узловых точек». Предложение российского министра культуры Владимира Мединского по воздвижению памятника выдающемуся советскому актеру Вячеславу Тихонову в его самом узнаваемом образе советского шпиона Исаева (Штирлица) из фильма «Семнадцать мгновений весны» является хорошей иллюстрацией гегемонистского нарратива прошлого, покоящегося на ряде объединяющих артистических символов, расположенных на стыке между реальным и воображаемым<sup>19</sup>.

Невзирая на упорство подобного навязывания ролевой поведенческой модели, успех этого предприятия остается сомнительным не в последнюю очередь благодаря растущей открытости российского общества альтернативным информационным источникам и взглядам, включая и информационный поток из соседних стран. Более того, это упорство увеличивает нормативный разрыв между Россией и Европой, выявляя различные подходы к обращению с прошлым.

## Политика возвращается?

Однако деполитизирующий эклектичный метод обращения Кремля с советским прошлым порождает нестабильность, причем он постоянно и непосредственно оспариваем явно политической артикуляцией воспоминаний о советском времени. Последние не являются ни полностью управляемыми, ни могущими быть втиснутыми в тесные рамки деполитизированного нарратива, управляемого из Кремля. По-видимому, в особенности сильно ограничивает деполитизацию довольно политизированная обстановка как внутри страны, так и за рубежом. Одним из доказательств тому служит вызывающее вопросы превращение Волгограда в Сталинград на шесть публичных выходных дней в год, введенное в 2013 году, а также конфликт с Эстонией из-за памятника Бронзовому Солдату в 2007 году.

Даже в форме реализуемых медиа-проектов дебаты о советском наследии могут быть выражены политически, доказательством чему служит телешоу «Исторический Процесс» Николая Сванидзе, защищающего либеральные взгляды, и Сергея Кургиняна, воплощающего стойкую про-советскую позицию. Разворачивающиеся общественные дебаты и сохраняющиеся постсоветские практики способны совершенно спонтанно покинуть официально обозначенную деполитизированную сферу и перейти в сферу политического. Их, уходящих корнями глубоко в социальную идентичность и коллективную память, нельзя подавить, но мож-

---

<sup>19</sup> <http://newsru.com/cinema/31may2013/shtitlits.html>.

но перенаправить или перефокусировать. Поэтому государство может терять контроль над собственными дискурсивными начинаниями, которые могут зажить собственной жизнью и следовать собственным траекториям.

Невзирая на весь присущий им прагматизм, брэнды могут содержать идеологические послылы или иметь идеологические эффекты. Футболки с советской символикой и изображениями Че Гевары содержат призыв к бунту и неподчинению, хотя для молодежи они и могут являться простой данью моде и воплощением протестного духа.

В полном соответствии с современной логикой Кремля, в отличие от советского кино, сегодня во многих фильмах враг не только внешний. Он может находиться и внутри коллективного тела нации. Именно способность внешнего врага к мимикрии и проникновению вовнутрь характерна для враждебной идентичности. В этом нарративе превалируют коннотации с властью: сильной властью является не та, что обеспечивает достойный уровень жизни своих граждан, а та, которая способна защитить их (и, естественно, себя) от внутренних и внешних врагов. Роль подданных сводится к функции патриотического защитного щита, способного мобилизоваться и преодолеть любые возможные внутренние различия перед лицом общей опасности или беды на дело сохранения территориальной целостности государства.

Фактическое возвышение 9 Мая (Для Победы) в ранг наиглавнейшего общественного праздника в России также выдает сильные политические коннотации. Но то, что внутри страны считается празднованием великой победы, стоящей вне политических дискуссий, обретает несколько иные политические тона в контексте российской международной политики. На деле Россия не только символически заявляет свои права на равное место в Европе и пытается политически отличаться от тех стран, которые, по мнению Кремля, по-новому интерпретируют историю Второй Мировой Войны вплоть до приравнивания фашизма к коммунизму. Именно благодаря своей способности политизировать «внешние коннотации» праздник 9 мая (отмечаемый в Европе праздник мира и единства) в официальной символической иерархии стоит выше других великих событий советского прошлого, к которым относится полет Гагарина в космос, строительство в сложных климатических условиях Байкало-Амурской магистрали (БАМа), одной из крупнейших железнодорожных магистралей в мире или поднятие целины.

Мы полагаем, что в советской истории технологических прорывов, обладающих значительной притягательной «мягкой силой», таится огромный нераскрытый потенциал. Спланированные и разработанные в советском прошлом технологические проекты раскрывают модернистскую сущность советского проекта и могут служить более сильным аргументом в поддержку принадлежности России к Европе, нежели постоянно подлежащий конфликтным истолкованиям нарратив виктимизации. Поэтому существует не только запрос, но и реальный шанс для пересмотра и переработки стратегий самопозиционирования России в общеевропейском историческом и культурном нарративе.

## Заключение

В настоящей статье мы описали разнообразие самовоспроизводящихся культурологических дискурсов и практик, берущих начало в прошлом советском опыте. Городской и региональный туризм, гастрономия, популярная музыка и мода – вот только некоторые из сфер, в которых воспоминания о советской эпохе выполняют функцию маркетинговых инструментов. Наряду с их использованием в коммерческих целях, общество продолжает ностальгировать по советскому времени, и ностальгия эта проистекает из (воображаемого) великого прошлого с присущими ему мощными идеологическими элементами. Ностальгические настроения могут случайно или неслучайно оказываться в гегемоническом нарративе Кремля: литературные дискурсы, передающие многоплановую картину советского прошлого с политической окраской, спортивные мероприятия, как замена (успешной интеграционной) политике и т.п.

Как мы попытались показать, попытки «вписать» элементы советского прошлого в современную российскую идентичность в процессе ее становления могут иметь политическое измерение. Многие политические эффекты так называемой «ре-советизации» в продвигаемом властью имущими дискурсе неизбежно становятся объектами критики: акцент на центральных исторических событиях формирует ориентированную на прошлое идентичность; навязывание мобилизационной парадигмы или менталитета патриотического самопожертвования независимо от типа режима и качества правления умаляет роль этически и нормативно универсальных принципов, таких как справедливость, экономические и культурные права, которые нельзя больше игнорировать ввиду относительной открытости и восприимчивости российского общества к внешним воздействиям. Возобновление «фантомных» имперских болей и сознательное поощрение риторики обращения назад в прошлое, а не вперед, в будущее, образуют препятствия на пути активного обмена с внешним миром и должного осмысления получаемой информации.

Роль государства продолжает оставаться важной, но весьма неоднозначной. Фактически Кремль ведет двойную игру в этом отношении. С одной стороны, ему удалось на деле «присвоить» как массовые, так и довольно автономные проявления ностальгии по советскому времени и встроить их в гегемонистский дискурс, основанный на идее национального объединения и ссылок на предположительно триумфальную историю России. С другой стороны, эта переустановка и реабилитация советских практик и дискурсов способствует возникновению как предполагаемых, так и нежелательных эффектов политизации, основанных на обострении политических дискуссий и усилении политических расколов внутри российского общества, ставших особенно заметными после прихода Владимира Путина на третий президентский срок в мае 2012 года.